

Большой и многочисленный род, один из родов полянского племени, к которому принадлежал Ант, испокон веку жил над Днепром. В те времена, о которых идёт речь, тут, на высокой круче, недалеко от землянки Анта, ещё стояло, одной стороной вплотную примыкая к лесу, а другой — к Днепру, городище, на валах которого прадеды рода не раз сходились с врагами: рвы и пески вокруг были усеяны стрелами, человеческими костями, черепами. Отсюда же вокруг по кручам над Днепром в ясный день можно было увидеть городища других родов, от них далеко в степь рядами тянулись курганы — среди них очень древние, с каменными фигурами забытых предков. Они стояли на вершинах, как стражи, в шлемах, с мечами у пояса, с длинными, до колен, руками; могилы весной осыпал белый цвет, а осенью, словно брызги крови, буйно укрывали их гроздья калины.

Ант немало прожил на свете, были у него братья — Тудор, Жадан, Телец и Прись, один за другим погибли они на поле брани; были у Анта три жены, которых он пережил надолго, а от них были у него сыновья... Но и с сыновьями не посчастливилось

Анту: четверо из них сложили головы в далёких походах, три сына, оставшиеся в живых, покинули его под старость.

Как и почему всё это случилось, Ант понять не мог. Когда-то, ещё при деде Воике и отце Улебе, жили они своим родом в городище, на одном дворе, где на главном месте стояла землянка старейшины, а ошуюю и одесную от неё — землянки молодых, а ещё дальше — клетки, ямы для разного зерна, загоны для скота. Тогда они все вместе выходили из городища, чтобы засеять землю, вместе ходили на охоту, ели у одного очага, почитали и слушались старейшин своих. И старейшины, правда, были того достойны: они первыми выходили на валы, когда на Днепре или в степи появлялся враг, водили людей на рать, приносили от всего рода жертвы богам, чинили суд.

Часто, поднявшись по тропинке меж трав на вал городища и глядя на Днепр, кручу, на весь Любеч, как называли люди это место, Ант думал и скорбел: зачем живёт он так долго, почему предки не зовут его к себе? Он, Ант, единственный сын, оставшийся в живых после старейшины Улеба, занял место отца, по закону и обычаю дедов стал старейшиной, но разве мог он сохранить род, который рассыпался, таял у него на глазах?!

Началось это ещё при старейшинах Воике и Улебе, но тогда род был большой, сильный, дружный, и когда один воин ушёл жить к жене в чужой род за Днепром, а потом молодые поселились на горе, между двумя родами, урона от этого не было. Но когда умер Улеб, множество родовичей сразу ушли и построились далеко над Днепром и у опушки леса, потом члены рода стали выходить один за другим, и, наконец, дошло до того, что по всей долине и склонам выросли, как грибы, хижинны и землянки. Со старейшиной Антом остались только три сына — Бразд, Сварг, да ещё Микула.

Долго сидел на родовом дворе сын Бразд. Ант сам послал его в княжескую дружину, когда князь Игорь шёл на древлян, — надеялся, что вернётся Бразд и будет жить с ним вместе. Бразд пришёл с брани — и, как говорили люди, с немалой данью. Целый мех привёз с собою да, кроме того, ещё и княжью печать, пожалованье. За верную службу дал ему князь Игорь поприще земли, поприще леса, где сам Бразд выберет, и нарёк его в Любече своим княжьим мужем.

Что означает «княжий муж», все узнали позднее, когда в древлянской земле убили князя Игоря и на столе великокняжеском в Киеве села Ольга. До того Любеч платил князю дань от рала и от

дыма. Княгиня же Ольга завела везде — в Любече тоже — уроки и уставы. Устав им чинил князь черниговский Оскол, урок взимал волостелин остерский Кожема, а посадником его в Любече стал Бразд. Тогда и ушёл он от отца Анта, построил у Днепра терем.

Жил подле отца сын Сварг, золотые руки имел, пока был холост, у старых людей и у самого Анта научился варить железо, кузнью снабжал весь род. Но позднее, когда женился Сварг на девушке из другого, заднепровского, рода, ушёл и он из городища, построил на опушке леса своё жильё.

Один только сын Микула остался с отцом Антом. С ним старейшина и доживал свой век.

Любеч — так издавна называли люди полянского племени городище рода Войков над Днепром. Вокруг этого городища возникли новые городища и роды — все любечане. А потом роды распались. Любеч, Любеч, что стало с тобою?

Уйдя в свои мысли, медленно шагал лесом старейшина Ант.

Это был чудесный вековой лес, начинался он далеко отсюда, в верхних землях, и широкой полосой, вивясь, как змея, тянулся над левым берегом Днепра, словно прикрывая его от полей, до самого низовья.

Выше всех деревьев были здесь сосны; они росли то семьями, то поодиночке, с голыми, жёлтыми, как воск, стволами, и зелёными густыми вершинами высились над лесом, словно дозорные, которые, сбивши на затылок колпаки и приложив ладони ко лбу, стерегут, зорко всматриваются в вечность.

А под ними, как вои, что только ждут приказа и тотчас, как раздастся клич, ринутся вперёд, стояли, переплетаясь ветвями, вращались корнями в землю дубы и берёзы, ясени и осокори, а где поболотистее — ольха.

Бывали дни, когда по вершинам сосен пробегал ропот, всё сильнее и сильнее начинали звенеть их стволы, и чаща откликалась шумом-скрипом, раскачивалась, стонала, рвалась из земли.

Тогда над лесом, как валы в море, катились тяжёлые чёрные тучи, они задевали вершины сосен, обволакивали чащу, в чёрной мгле из туч начинали бить молнии — они попадали то в одно, то в другое дерево, и те с громким воплем, словно прощаясь с жизнью, падали, валялись на землю.

В это утро, когда Ант вышел на лов, в лесу было тихо, ничто не нарушало его покоя и величия, только здесь и там печально жаловались горлицы, каркал ворон, да ещё в ярах, прорезавших лес, звенели шумные потоки.

Но не к этим шумам и звукам прислушивался Ант. Мягко ступая по толстому настилу из опавших листьев, осторожно разводя руками ветви осыпанного красными плодами шиповника, он слушал, не раздастся ли где-нибудь олений рёв.

Один раз он спугнул стадо кабанов, спавших в овраге над потоком, но не стал гнаться за ними, потому что идти одному на целое стадо этих хищных зверей было опасно...

Потом Ант прошёл совсем близко от медвежьей берлоги. Ис с этим зверем встречаться в такое время с глазу на глаз он не хотел — пусть ложится спать, Ант встретится с ним, когда всё вокруг укроют снега.

А позже он, хоть и не услышал рёва, напал на олений след. Их было два, это Ант увидел по следам копыт. Олени провели здесь всю ночь, земля вокруг была истоптана, они прошли совсем недавно: на траве повсюду ещё лежала роса, а там, где прошли олени, она была сбита.

Ант пошёл по следам оленей. Их, должно быть, кто-то спугнул, потому что вначале олени бежали широким шагом, потом пошли спокойнее, друг за другом, часто останавливаясь и объедая молодые побеги на берёзках и грушах, а на зелёных полянках лакомились свежей травой.

Позднее, когда солнце поднялось высоко над лесом, роса опала, трава просохла, и следить за оленями стало труднее, Ант всматривался вокруг так, что глаза у него заболели, вслушивался так, что в ушах звенело, терял след, снова находил его и снова терял.

Прошло, должно быть, много времени, и далеко зашёл Ант: он заметил, что лес поредел, солнце очутилось у него за спиной.

Но в это время он ещё раз увидел след оленей — они совсем недавно прошли березняком, ольшаником по болоту и шли спокойно.

Ант вышел на опушку, встал под деревом, чтобы его не заметили олени, увидел перед собою выжженное солнцем поле, где рядами стояли высокие курганы, где было необычайно тихо, только стрекотали без конца кузнечики.

И тогда случилось то, чего Ант не мог ожидать: среди однообразного стрекотания кузнечиков послышался пронзительный свист, и внезапно острая стрела впиалась в грудь старейшины Анта...